

В XII-XIII вв. огромные пространства Русского Севера осваивались в ходе двух потоков колонизации – ростовской и новгородской. Устюг как опорный пункт в продвижении Ростовского княжества и Ростовской епархии на север в политическом и церковном отношении занимал исключительно важное место в этом процессе. В летописных известиях об основании Устюга кн. Константином Всеволодовичем за четыре версты от Гледена в 1212 г. говорится, что князь «детинец и церкви устроив в нем»¹. В том же году соперничавший с кн. Константином его брат Юрий захватил г. Гледен и тяготевшую к нему обширную территорию – земли по Двине, Вычегде, Сухоне, Югу «и пермские дани к себе ж взял». Так очерчиваются контуры «Устюжской земли», в гражданском и церковном отношении тяготеющей к Ростову.

С постепенным усилением великокняжеской власти в отношении Новгорода и Ростова ее позиции в отдельных точках Устюжской земли упрочивались. Со времени Ивана Калиты (1333 г.) дань с «пермских людей» стала взиматься великими князьями, а вел. кн. Дмитрий Иванович Московский в 1364 г. отобрал у кн. Константина Васильевича Ростовского Устюг и «пермские месты устюжские». Княжеская дань с них и с Устюга стала поступать в Москву, тогда как церковная дань и пошлины поступали в Ростов в архиерейскую казну. В Двинской уставной грамоте 1397 г. уже упоминаются устюжские наместники великого князя². О месте Устюжской десятины в составе Ростовской епархии свидетельствует летописная статья под 1386 г. о поставлении митрополитом Киприаном Григория «епископом Ростову и Ярославлю, и Белоозеру, и Угличю полю и Устюгу и Мологе»³. В 1386 г. новгородцы и двиняне попытались захватить великокняжеские волости вычегодские и устюжские, однако вел. кн. Дмитрий Иванович вернул их себе «и с новгородцев и двинцов окуп взял»⁴. В результате миссионерской деятельности Стефана Пермского формируется приходская сеть, включенная в состав новой «епархии Вычегодския земли». Поскольку соседними с вычегодскими являлись устюжские волости, шло оформление и межъепархиальных границ (Пермская епископия / Ростовская епископия). Последовавший в том же 1386 г. визит Стефана Пермского в Новгород стал попыткой урегулировать конфликт и добиться отказа от притязаний дома св. Софии на «Пермскую землю и епархию Вычегодския земли». О московском влиянии здесь красноречиво говорится в Житии Стефана Пермского, составленном Епифанием Премудрым. Соперник Стефана зырянский Пан-сотник не боялся высказывать гневные филиппики: «От Москвы бо может ли что добро идти нам? Не оттуду ли нам тяжести быша и дани тяжкыя и насильство, и тиоунии, и доводщицы, и приставницы?..»⁵. О насилиях агентов княжеской администрации на Вычегде в условиях голода 1386 г. имеются свидетельства в Житии Стефана⁶. На рубеже XIV-XV в. усиливаются экономические позиции Ростовской кафедры в Устюжском крае. По-видимому, при великом князе Василии I в разных волостях края архиерейской кафедре были пожалованы земли, образовавшие в дальнейшем Владычную (в XVII в. – Митрополью) волость⁷.

В 1436 г. известен десятильник Ростовского архиепископа – Иев Булатов, повешенный галицким кн. Василием Косым («и много устюжан людей добрых казнил, а иных вешал»)⁸. К XV в. функционирование Устюжской десятины, в состав которой входили городские и сельские церкви Устюжской земли, насчитывало уже несколько столетий. В 1480-е годы часть Перми Вычегодской – несколько погостов в низовьях р. Виляди (Никольский, Покровский, Ильинский и устье этой реки), а также волость Лузская Пермца были переданы Иваном Ш «Устюжскому присуду», то есть административно-финансовой подведомственности. Упоминание «устюжской жалованной» (грамоты? – М.Ч.) содержится в позднейшей жалованной грамоте Ивана III пермскому епископу Филофею 1483 г., а об «устюжском присуде» – в его же грамоте жителям Перми Вычегодской 1485 г.⁹ В ней говорится также о том, что северная часть Пермской земли – по Пинеге и Сура Поганая – относились к «присуду Двинские земли Кегрольские». Так Пермская земля оказалась разделенной между тремя епархиями – Новгородской, Пермской и Ростовской, чересполосность владений которых даже до ее полного картографирования налицо. Однако до конца XVII в. на севере не наблюдалось жесткого соответствия между административной принадлежностью и церковной юрисдикцией. Например, в 1590 г. Вилегодская Пермца и Лузская Пермца, управляемые, по-видимому, разными архиереями, в административном отношении были объединены в составе Усольского (Сольвычегодского) уезда¹⁰. В указной грамоте Ивана III устюжскому тиуну С.Исакову упоминаются десятинники и посельские архиепископа Вассиана, которым не были подведомственны люди двух деревень Успенского собора, его протопоп и весь причт. Сами же деревни пожаловал собору Иван III еще при архиепископе Трифоне (1460-е годы). При подтверждении этой грамоты дьяком Алексеем Полуектовым на имя протопopa Григория

предусматривалось право десятильника устанавливать сроки для соборного причта раз в году – на Сретение – для явки в архиерейский или великокняжеский суд¹¹. В 1489 г., когда при ростовском архиепископе Тихоне возводилась новая деревянная соборная церковь Успения, фигурирует владычный дьяк Иван Вискун¹².

Указной грамотой архиепископа Кирилла (Ростовского, Ярославского и Устюжского) 1500 г. был установлен порядок освящения новых церквей соборным протопопом Устюга «з братьею повытно». За нарушение этого порядка, подтвержденного также архиепископом Никандром в 1554 г., владычный десятильник «ставил» провинившихся попов перед архиереем в Ростове¹³. Помимо пошлин за освящение церквей «смотря по приходам», соборное духовенство получало славленные и праздничные пошлыны с монастырей¹⁴. В 1507 г. в жалованной грамоте Василия III протопопу и причту Успенского собора, наряду с великокняжескими наместниками и тиунами, фигурировали «Ростовского архиепископа десятильники», которые, как и прежде, не могли взимать корм с соборного причта «и не всылают к ним ни по что»¹⁵. Однако в местном суде с соборным настоятелем десятильники участвовали, «а протопоп с братьею с ними ж судят, а присудом делятся наполю». Судя по подтверждению грамоты в 1538 г. (дьяк Федор Мишуриин), нормы ее действовали до конца 1530-х годов. В следующей по времени жалованной грамоте, Ивана IV 1549 г., статья об участии десятильников в сместном суде отсутствовала, а при ее подтверждении в мае 1551 г. была установлена подсудность соборного причта «во всем» Ростовскому архиепископу¹⁶. В пересказе царской грамоты 1549 г. в указной грамоте царя Федора Ивановича от 20 июля 1593 г. отмечены «десятинничьи поборы», а в грамоте 1688 г. при пересказе акта 1549 г. фигурируют десятильники Ростовского митрополита, а не архиепископа¹⁷. В благословенной грамоте ростовского архиепископа Никандра духовенству и гражданскому населению Устюга на построение каменного Успенского собора 1554 г. различаются священники и диаконы «градские, посадские, становые и околородные». Два последних термина указывают на церковное строительство в уезде («станах») и ближайшем предместье. Термины же «градские и посадские» свидетельствуют о таком очевидном факте, как существование храмов в устюжской крепости и на посаде. О том, что их было немало (порядка 25-30), заставляет догадываться летописная статья под 1571 г. о гибели в моровое поветрие 12 тыс. человек на посаде и в уезде (то есть дворов ориентировочно могло быть 2,0 – 2,5 тыс.), «а попов осталось на посаде шесть»¹⁸.

Помимо Устюжских земель, юрисдикция ростовского владыки распространялась также и на некоторые Тотемские земли: возможно здесь она пришла на смену их прежнему митрополичьему подчинению. Это можно предположить в результате сопоставления следующих фактов. Благословенную грамоту на основание Спасского монастыря вблизи Тотьмы старец Феодосий Суморин получил примерно в 1554/55 г. от митрополита Макария. Митрополичий суд устанавливался над самим строителем Феодосием¹⁹. Однако около 1560 г. «по приказу» ростовского архиепископа Феодосий возобновил в Верховажье Спасо-Никольскую Ефремову пустынь (наиболее ранняя грамота ее игумену Леонтию известна от 1539 г.). Пустынь находилась в 80 верстах к северу от Тотьмы у впадения р.Режи в Вагу. Следовательно, северная часть формирующегося Тотемского уезда в церковном отношении входила в Ростовскую епархию²⁰. Судя по указанию в жалованной грамоте 1539 г. на суд великого князя или его дворецкого над игуменом Леонтием, пустынь располагалась на дворцовых землях Верховажья. В начале 1560-х годов уже существовал порядок, согласно которому приходские попы Тотемской Соли (посада и околородья) для освящения храмов обязаны были приглашать соборных протопопов и протодьяконов из Устюга, а за нарушение его в 1563 г. едва не были привлечены десятильником Григорием Ивановичем к духовному суду владыки в самом Ростове²¹. О существовании жалованной грамоты Ивана IV 1551 г., подтвержденной в 1595 г., церкви Благовещения на усть-Толшмы Устюжского уезда, (усть-Толшма в XVII в. вошла в Тотемский уезд) упоминается в общей жалованной грамоте той же церкви царя Михаила Федоровича в 1623 г.²²

В 1564 г. известно о надзоре и сыске устюжского десятильника с доводчиком относительно церковного благочиния в Соли Вычегодской²³. Организация соборного духовенства в самом Устюге во многом строилась по образцу соборного духовенства Ростова: архиепископ Давид в указной грамоте 1581 г. предписывал делить доходы между протопопом, протодьяконом, ключарем, попами дьяконами так же, как и духовенство Ростовского Успенского собора делит

их на три праздника в году (Успенъев день, чудотворцеву Леонтьеву память и соборное воскресенье)²⁴. К XVI в. в Устюге существовала церковь во имя Леонтия Ростовского: «Леонтий Святой» фигурирует в актах Михайло-Архангельского монастыря первой трети XVI в.; укажем также на упоминание дьячка Леонтьевской церкви в качестве писца одной данной грамоты²⁵. По мнению В.П.Шляпина, такое храмоименование свидетельствует о старинных связях Устюга с Ростовом и зависимости от него²⁶. Примечательно, что в устюжских актах XVI в. Ростовская метрополия именовалась как «дом Пречистые и Леонтия Ростовского чудотворца», а с открытием в 1682 г. самостоятельной епархии в ее посвяtitельном имени появились свои праведники – Прокопий и Иоанн Устюжские. Пожалование царем Федором Ивановичем Леонтьевской церкви земель упомянуто в позднейшей, середины XVII в., явочной челобитной²⁷. В 1641 в. известны старосты этой церкви – Иван Передмов и Фомка Филиппов, конфликтовавшие с попом, который служит «своим самоволством без мирских людей слова и хлеб емлет ружной насилством же»²⁸.

В январе 1555 г. Иван IV выдал жалованную несудимую, тарханно-проезжую с элементами уставной грамоту Ростовскому архиепископу Никандру на домовые вотчины в Ростовском, Вологодском, Устюжском и Белозерском уездах. Это весьма содержательный, многоплановый документ, согласно которому владыка посылал десятильников с их приставами в города Ростовской архиепископии попрежнему для сбора доходов и духовного суда. Приставы могли брать подозреваемых на поруки и ставить перед десятильниками, а светские власти (наместники, волостели и тиуны) не должны были вмешиваться в церковный суд. Были также отменены прежние царские («наши») жалованные тарханные грамоты для тех монастырей и церквей Ростовской архиепископии, по которым они ранее освобождались от выплаты церковной дани и всех пошлин. Теперь бывшие «тарханщики» и новые церкви привлекались к уплате «церковной дани со всеми пошлинами и с судом по данным книгам». Сборы в домовую казну осуществлялись приказными людьми владыки, «кто у него тут на годовой десятине собирает дань»²⁹.

В грамоте 1555 г. регламентировались венежные пошлины, собираемые приходскими попами: от «знамян» 2 алтына, печатного деньга, писчего 2 деньга «по старине». Каждый новый брак облагался выше предыдущего – «с двоеженца вдвое» с троюженца втрое, а без знамени отнюдь никоторой не венчает». Безусловно, венежные пошлины и регулирование семейно-брачных отношений – все это являлось источником немалых доходов Ростовской архиерейской казны.

Указание на структуру церковной организации на Устюге (черного и белого духовенства) содержится в завещании архиепископа Великоустюжского и Тотемского Александра 1699 г., упоминающем «архимандритов, игуменов, соборян, градских священников с диаконы»³⁰. Черное духовенство и соборный причт играли важную роль в архиерейском управлении на Устюге: монастырские настоятели и протопоп Успенского собора являлись приказными людьми Ростовского владыки, осуществляя, наряду с его десятильниками, приставами, недельщиками, административно-судебные и налоговые полномочия³¹.

В организации приходского духовенства были важны выборные институты поповских старост и десятских. В актах из архива Михайло-Архангельского монастыря конца XVI в. названы два старосты (Спасский поп Иван, Прокопьевский поп Афанасий) и один десятский (Семеновский поп Григорий). В их присутствии была оформлена отмерная и отдельная грамота устюжского десятильника Т.О. Губастова властям этого монастыря на деревню в 1595 г.³² Функционировал и институт выборных церковных старост, воплощавший тесную, органическую связь общинно-посадской и церковной жизни. В 1573 г. старосты церкви «Воскресения старого на сполье» Д.Ф. Жужгин и В.И. Козаков покупают у М.Е. Чуриковкиной деревню за 11 руб. 2 гривны³³. Церковные старосты выбирались из «людей добрых и Бога боящихся, животом прожиточных, не у пьянчивых, не воров и не бражников, кому мочно в церковной казне верить»³⁴. О высоком правовом статусе церковных старост говорит размер штрафа за их «бесчестье», согласно севернорусскому Судебнику 1589 г. – 5 руб., «а жене его вдвое»³⁵. Будучи обязательно людьми грамотными, церковные старосты вели приходные и расходные книги своих церквей, а ревизии этих книг регулярно проводились архиерейскими властями. Деятельность церковных старост находилась также под контролем общины и даже государства. О государственном регулировании института церковных старост

свидетельствует царский указ 1625 г., согласно которому, они должны были «всякое церковное строение строить мирскими зборными деньгами, збирая меж себя по тому ж, как у них истари велось, а церковных старост в тех зборных денгах считать по годом мирским людем, ково они меж себя выберут, чтоб церковные старосты зборными денгами не корыстовались... А збирать бы денги старостам, смотря по церковному строению, и з совету мирсково, сколько доведетьца собрать, а собою одним без мирсково совету не збирать»³⁶.

Во второй половине XVI в. действуют устюжские десятильники – Афанасий Яковлев с. Парфеньев и Третьяк Олексеев с. Губастова (брат владычного дьяка в Ростове Салтыка Олексеева с. Губастова)³⁷. Показателем публичноправовых полномочий устюжских десятильников являлось наличие у них своих печатей, упоминаемых в актах из копийной книги Михайло-Архангельского монастыря, опубликованной В.П. Шляпиным.

Обращаясь к источникам XVII в., мы наблюдаем конкретную церковно-приходскую структуру Устюжской десятины в уже сложившемся виде. Отдельные моменты церковного строительства в Устюжской десятине XVII в. были рассмотрены нами в специальных статьях по благословенным и храмозданным грамотам Ростовских митрополитов³⁸. В сравнительном плане принципиальным является наличие учетной документации разного происхождения (государственного и церковного) – писцовых книг 1620-х и 1680-х годов, с одной стороны, и окладных и сборных книг Ростовской митрополии тех же десятилетий, с другой. Состав церквей и причта, храмоименование, материальное положение приходского духовенства, его налогообложение в пользу владык – все эти вопросы могут быть рассмотрены по названным источникам.

Приведем данные о составе церквей Устюга по писцовой книге Н. Вышеславцова и подьячего А. Федорова 131-134 гг. (1623-1626 гг.)³⁹. Остановимся на церквях в крепости. Первой в книге указана соборная церковь Покрова Богородицы на Старом городище. Она была «древяна клетки о трех верхах» и имела два придела – во имя Чуда Архистратига Михаила и великомученицы Екатерины. В храмовый комплекс входила также одноглавая церковь Варлама Хутынского с приделом Казанской Богородицы. В Устюжском летописце указана точная дата ее освящения – 17 апреля 1613 г., а 21 апреля уже отмечено первое чудо «прощения» большого человека от иконы Варлама⁴⁰. Еще одна соборная церковь – Успения Богородицы (пятиглавая, с приделами Усекновения Честные Главы Иоанна Предтечи и преп. Михаила Малеина) – зафиксирована писцами в Большом остроге. В Успенский храмовый комплекс входила еще теплая церковь во имя Козьмы и Демьяна.

Многие церкви Большого острога также образовывали храмовые комплексы, причем входящие в них церкви упоминались уже в летописных заметках 1490-х годов. Это были: 1) холодная церковь Прокопия Праведного (с Борисоглебским и Георгиевским приделами) и теплая Алексея митрополита московского (с приделом Василия Блаженного); 2) холодная церковь Происхождения Честного и Животворящего Креста Господня (с приделом Иоанна Устюжского). Из этого придела «зимним временем» бросались свечи, ризы и сосуды в церковь Св. Власия, богослужение в которой велось только зимой.

На берегу Сухоны располагались храмовые комплексы: 1) церквей Рождества Христова и Рождества Богородицы; 2) церкви Дмитрия Прилуцкого и место церковное Николы Чудотворца. Два храмовых комплекса стояли на торговой площади: 1) Вознесения и Богоявления Господня (с Воздвиженским приделом); 2) пятиглавая «поставленная ново» церковь Воскресения Господня (с приделами Спаса Нерукотворного и царевича Дмитрия); 2) теплая церковь Иоанна Богослова с приделами Николы Чудотворца и Иоанна Златоуста. У гостиного двора находилась церковь Живоначальной Троицы с Флоро-Лаврским приделом и церковь великомученицы Варвары с приделом Афанасия Александрийского.

Меньшее число церквей было указано на посаде. За острогом против старой городской осыпи отмечен храмовый комплекс Сретения Владимирской Богородицы и Св. Жен Мироносиц. Далее вниз по Сухоне стояли: церковь Петра митрополита, Благовещения Богородицы, Симеона Столпника (с теплой церковью Василия Кесарийского), Ильи Пророка (с ц. Зосимы и Савватия Соловецких). Напротив посада на правом берегу р. Сухоны в Дымкове слободе был храмовый комплекс церквей Дмитрия Солунского и Сергия Радонежского. В отличие от всех

перечисленных выше городских и посадских храмов, этот имел царскую жалованную грамоту (Михаила Федоровича Романова) за приписью дьяка Мих.Смывалова на пашню и угоды⁴¹.

Сведения о храмах в писцовой книге 1623-1626 гг. можно существенно дополнить информацией из близкой о времени сборной книги 9 января 1625 г., отразившей их налогообложение в архиерейскую казну. Книга была составлена по приказу Ростовского митрополита Варлама устюжским десятильником, митрополичьим сыном боярским Г.В. Чубаровым на основе «данных уложенных книг по окладу В. Горяинова 133 (1625) года и имеет позднейшие приписки за 1628-1636 гг. Этот ценный источник был опубликован еще в 1894 г.⁴², но с тех пор, если не ошибаемся, бегло был использован лишь Н.И. Суворовым (в статье о Николо-Прилуцком двинском монастыре)⁴³, В.П. Шляпиным (в статье об Орловской Всесвятской церкви)⁴⁴ и Н.В. Устюговым. Последний подсчитал по нему общую сумму поступлений в казну ростовского митрополита – свыше 71 руб., а по «приходной зборной книге» 1682/83 г. возрастание ее до 183 руб.⁴⁵ По ряду ремарок в тексте сборной 1625 г. видно, что публикация была осуществлена с оригинала книги. Его местонахождение ныне нам неизвестно. Текст состоит из совокупности однородных статей типа: Мироносицкой поп дани платит дани столько-то (плюс ряд пошлин), в конце после перечислений – всего по данному приходу столько-то алтын-денег. Особое значение источнику придает то обстоятельство, что в нем зафиксированы не только городские, но и сельские приходы Устюжской десятины. Их подборка в книге при некоторых сбивках осуществлена по трем третям – Двинской, Сухонской и Южской, по которым обычно проводились землеописательные работы в обширном Устюжском уезде. Состав владычной администрации, которой полагались отчисления, – это десятильник «с людьми» и доводчик. Церковный прямой налог «дань» аналогичен дани в системе государственного обложения, а упоминание доводчика также находит параллель в многочисленных актовых источниках средневековой Руси, отразивших функционирование наместничьего аппарата (тиуны, доводчики, праведчики, недельщики, различные данщики и писцы). Кроме того, состав архиерейской администрации и номенклатура пошлин книги 1625 г. в целом идентичны соответствующим перечням, отраженным в жалованных грамотах ростовских архиереев сельским причтам в вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря XV в.⁴⁶

Денежные единицы, в которых взимались поборы, в сборной книге 1625 г. выражены по-разному: белами – дань, за корм десятильнику и его людям, алтынами и «деньгами» – взимания за объезд и пошлины десятильнику и доводчику. По всем городским и сельским приходам заметны фиксированные взносы десятильнику: за корм – 5 бел, его людям – 2 бел, за его пошлины – 5 алт.; доводчику: за корм – 3 деньги, за его пошлины – алтын. Из табл.2 видно, что доводчиковы пошлины нередко взимались нерасчлененно со взносом за его «объезд». Отчисления агентам архиерейской администрации были дифференцированными в зависимости от занимаемого в ней места (десятильники с их людьми получали больше, чем доводчики). Одинаковыми для всех храмов являлись две (не персонифицированные) пошлины. Во-первых, кутейное (по-видимому, отчисления в архиерейскую казну четвертой части «сорокоустных денег», получаемых «всем клиросом»⁴⁷) – пол-третья алтына. Возможно, кутейное генетически восходит к «девятина» Археографического списка Краткой Правды, 41-я статья которой предусматривала отчисления в пользу церкви от доходов мечника и емца⁴⁸. Девятина тоже связана с поминанием умерших в течение девяти дней. Во-вторых, была фиксированной писчая белка – 1 деньга. Наиболее раннее упоминание «писчего» (как и «людского») находим в жалованной грамоте Ростовского архиепископа Тихона причту Ризоположенской церкви на Бородаве 1500 г. В акте, по всей видимости, воспроизводился текст более ранней грамоты, архиепископа Иоасафа⁴⁹. На основе расчетов, произведенных по самому тексту окладной книги, видим, что белкой здесь являлась мелкая монета достоинством в 3,0-3,3 деньги (1,5-1,6 копейки)⁵⁰. По тяжести обложения городских и сельских храмов различия в книге 1625 г. касались только церковной дани. В ней указан ее общий оклад по Устюгу и уезду – 4775 бел, то есть 71,6 руб.⁵¹ Это совпадает и с подсчетами Н.В. Устюгова; сама же дань как прямой «централизованный» налог в указанное время составляла лишь треть от архиерейского дохода с Устюжской десятины. За пределами дани две трети поступлений были адресованы десятильнику и доводчику с их агентами. Налицо, полагаем, преобладание церковно-корпоративной формы налоговых изъятий над церковно-централизованной. В ходе дальнейшей эволюции финансовой системы Ростовской архиерейской кафедры доля пошлин в коммутированном денежном выражении над собственно данью еще более возрастет.

Взносы «за объезд десятильника» и «за объезд доводчика» выплачивались только причтами сельских церквей⁵². В книге по ряду приходов заметна унификация их размеров – 6 алтын за объезд десятильника и 3 алт. – за объезд доводчика. В то же время указаны довольно большие величины объездной пошлыны, коррелирующей не только с населенностью приходов, количеством церковной земли у причетников, но и с реальным расстоянием данного прихода от Устюга, где была резиденция владычного десятильника. В писцовой книге 1623-1626 гг. отмечен двор «у Пречистые на площади Варлама митрополита Ростовского на приезд десятильником, длина двору по воротам 17 сажень с полусаженью, а поперег 15 сажень»⁵³. На этом дворе находилась «святительская митрополич домовая казна»⁵⁴. Для ведущегося там дело- и судопроизводства регулярно закупаались большие партии бумаги («на всякие святительские писма и росходы»)⁵⁵. С отдаленных приходов Вилегодской волости и Лальского острога платилось по 17-20 алт. объезда и по 130-160 бел дани⁵⁶. Это максимальные показатели дани в изучаемой книге. Аналогию можно найти в Двинской уставной грамоте 1397 г.: дворянам «езду» от Орлеца до Матигор, Холмогор, Курострова – 2 белки, а до Нижней Тоймы – 30 белок⁵⁷.

В территориальном отношении сельские приходы сборной книги 1625 г. относятся не только к Устюжскому уезду (хотя таких большинство), но и к Тотемскому, Сольвычегодскому, Яренскому уездам. Это устанавливается путем сопоставления названия волостей в сборной и современных ей писцовых книгах соответствующих уездов. Большую помощь в этом оказывают историко-географический обзор уездов и волостей Поморья, приведенный в классических монографиях М.М. Богословского, И.В. Власовой и Я.Е. Водарского, каталоге «Писцовые книги Русского Севера» под редакцией Н.П. Воскобойниковой, а также изданные Н.И. Суворовым итоги из окладной книги Великоустюжской епархии 1755 г.⁵⁸ Понятие «Устюжской десятины» географически шире, чем «Устюжского уезда». Очерченная погостами сборной книги 1625 г. территория исторически отражает «Устюжскую землю», освоение которой в XII-XV вв. происходило во многом благодаря потоку «низовой колонизации», исходящему из Ростово-Суздальской земли, а в церковном отношении окормляемому Ростовской епархией. Тотемскими по своей гражданско-административной принадлежности являются упомянутые в сборной книге погосты в волостях Дмитриев Наволок, Сученская, Семенов Наволок. Представления об их размерах (весьма небольших) дает писцовая книга Тотемского уезда 1622-1625 гг. Ф.Р. Дурова и подьячего Е. Колюпанова. Например, в волость Дмитриев Наволок входили: погост и 8 деревень, в которых насчитывалось 30 дворов и 44 чел. м.п. В межевой части описания отмечен рубеж Дмитриева Наволока с Городищенской волостью Устюжского уезда (ныне – Нюксенский район Вологодской области)⁵⁹. Несколько крупнее была другая тотемская волость – Сученга – в ее состав входили погост, 17 деревень, 60 дворов и 91 чел. м.п. В описании 1622-1625 гг. был отмечен ее рубеж с устюжскими землями – Бобровским ямом и Стреленской волостью⁶⁰. Сольвычегодскими в сборной книге 1625 г. являются погосты в Пачеозерской, Вилегодской волостях, Андреевском стане (Вымская гора), Онтропьевой слободе и в Лузской Пермце – Архангельский, Никольский, Покровский, Воскресенский на Турьей горе. К Яренскому уезду относилась Ленская волость с Николаевским погостом (приходом)⁶¹.

Упомянутые в сборной книге 1625 г. взимания за объезд и корм десятильника и доводчика с их людьми ретроспективно отражают существовавшие когда-то порядки древнерусского полюдья и последующей системы кормлений. Полюдье – это архаичный институт, зародившийся в недрах родоплеменного строя и имевший многообразные функции – ритуально-магические, политические, экономические. Его следует понимать двояко. Во-первых, это был непосредственно круговой объезд («кружение», как описывал его еще Константин Багрянородный) князьями определенной территории с целью сбора дани, осуществления судебно-налоговых, организационно-хозяйственных функций. Для Ростовской земли наиболее раннее летописное свидетельство функционирования полюдья относится к 1190 г. при вел. кн. Всеволоде Большое Гнездо⁶². На зимний период его осуществления указывают конкретные дни: 8 февраля князь был в Переславле, а 25 февраля – в Ростове. Во-вторых, это был корм, дифференцированно причитающийся участникам указанного объезда («людям») в зависимости от занимаемого ранга в данной феодальной иерархии. По такому же принципу осуществлялось присвоение должностными лицами и в системе кормлений: тиуны получали «вполы» волостелей, а доводчики – «вполы» тиунов и т.д.⁶³

В 1620-е годы и непосредственный объезд агентами владычной администрации церковных приходов, и натуральный корм в пользу десятильников и доводчиков – все это было уже заменено денежным эквивалентом. Взимание основного церковного налога – дани – «белами» усиливает ощущение архаики, отразившейся в сборной книге 1625 г. Согласно Повести временных лет, дань в осенне-зимний период собиралась мехами (горностаями, куницами, соболями, белками – «по беле с дыма», то есть по беличьей шкурке со славянского жилища типа полуземлянки с печью, отапливаемой по-черному)⁶⁴. Употребление же бел в качестве денежных единиц, согласно исследованиям В.Л. Янина, начинается во второй половине не ХШ в.⁶⁵ Для района Устюга сравнительно раннее упоминание «бел» как денежной единицы находим в Двинской уставной грамоте 1397 г.: двинские гости на Устюге платили наместникам с воза две белки (в Вологде – по одной)⁶⁶. На рубеже XIV-XV вв. великокняжеские данщики действовали наряду с «бельщиками» – они отдельно упоминаются в уставной договорной грамоте Василия I и митрополита Киприана⁶⁷. В летописном рассказе о примирении устюжан с новгородцами и двинянами после неудачной попытки первых совершить поход на Двину в 1417 и 1425 г. говорится о том, что устюжанам пришлось выплатить «50.000 белки и 52 сорока соболей»⁶⁸. В 1480-е годы государева дань «за соболи и за белку, и за бобровые гоны, и за рыбную ловлю, и за кречатыи садбищи» взималась с окладных единиц – луков на Вычегде, Выми, Сыsole, Удоре, Ужге с лука по соболю, «а не будет соболя, ино за соболя четыре гривны»⁶⁹. Имперский посол С. Герберштейн писал в первой четверти XVI в., что из Перми, Вятки, Устюга и Вологды белки привозились связанными пучками по десять штук⁷⁰. «Белы» в качестве мелких монет (? – М.Ч.) фигурируют в жалованной оброчной грамоте ростовского архиепископа Кирилла причту Афанасьевской церкви в Сольвычегодске 1535 г. Ею устанавливался оброк в архиерейскую казну на Рождество Христово пол-30 бел, десятильнику 5 бел, доводчику 2 белки⁷¹.

В сборной книге Ростовского митрополита 1625 г. отразилась практика замены многочисленных поборов и взносов единообразным денежным оброком, оформляемая грамотами ростовских владык и напоминающая аналогичную практику выдачи княжеских и царских жалованных оброчных грамот. Такая замена известна и по некоторым грамотам московских митрополитов конца XV в.⁷² Судя по ремаркам этой книги, подобные грамоты имели устюжские монастыри: Михайло-Архангельский, Иоанно-Предтеченский, Троице-Гледенский, Двинский Троице-Телегов. Практика выдачи таких грамот уходила еще в XVI в., о чем упоминалось в царской грамоте архиепископу Никандру 1555 г. (см. выше). Об этом можно судить на основании челобитной властей Троице-Гледенского монастыря 1617 г. митрополиту Варламу, сообщающей о сгоревшей у них при пожаре более ранней грамоте («Варлама Старого...за красными печатями», управлявшего Ростовской епархией в 1587-1596 гг.), по которой они платили за дань оброком по 2 руб. 5 алт. с деньгою⁷³. Следовательно, в 1625 г. выплата с Троице-Гледенского монастыря «за дань оброком» была увеличена до 3 руб.

О размерах некоторых обителей дает представление писцовая книга 1623-1626 гг.: в Иоанно-Предтеченском монастыре было 30 чел. братии, а Михайло-Архангельский монастырь вообще являлся весьма крупным – 125 чел.⁷⁴ На оброк была переведена церковная дань с недавно возникших малых монастырей Устюжского края – Богородицкого Усть-Недумского на р. Лузе⁷⁵, Успенского Кичменгского, Некрюнской Успенской пустыни в Семенове Наволоке, Соловецкой пустыни в Комарицком стане (см. табл.2).

Платеж с некоторых приходов также был переведен на оброк «за дань и все пошлины» в год. Дозором и обложением новых храмов церковной данью и пошлинами в уездах Устюжской десятины могли заниматься поповские старосты и десятские г.Устюга. Делали они это «наезжая в приходы в правду, чего стоит» (в зависимости от количества дворов в данной местности), иногда – при содействии владычных детей боярских и всегда на основании митрополичьих грамот. Причиной оброчного обложения следует считать расширение церковно-монастырского строительства на территории Устюжской десятины Ростовской митрополии в первой четверти XVII в. Об этом можно судить на основании порядка описания в сборной книге: в ней сначала фиксируется Кичменгский городок, а затем «отставка от городка – монастырек зачат новой, а нем поставлен храм во имя Успения Богородицы...» В отдельных случаях сообщаются даты сооружения новых церквей как «выставленных» или «отставленных» от материнских храмов. Например, в дер. Павине в вол. Святице в 123 (1615

г.) был поставлен новый храм во имя Николая Чудотворца – отставка из Троицкого храма соседней волости Сараевы⁷⁶. Следует подчеркнуть, что в писцовых и переписных книгах XVII в. волости Святица и Сараева как соседние описывались иногда вместе⁷⁷.

Порой в рамках одной волости (например, Черевковской Двинской трети) соседние приходы облагались по-разному – Никольские попы платили всю совокупность дани и пошлин десятильнику и доводчику (и это составляло внушительную сумму свыше 3 руб.), а Троицкий поп – унифицированный оброк 6 алт. 4 ден.⁷⁸ Систематизация сведений об оброчных храмах, монастырях и пустынях в городе и уезде приведена ниже в табл.2. По ней заметна тенденция к унифицированному обложению большинства оброчных городских и сельских приходов – по 6 алт. 2 ден., либо городских монастырей – по 3 руб. Сам же перенос центра тяжести в организации налогообложения с агентов владычной администрации на институт поповских старост и десятских к 1620-м годам объясняет возникновение коммутированных сборов типа «за объезд», «за корм и все пошлины» десятильника и доводчика. Применительно к десятильникам наиболее значительной выплатой был «объезд», по сравнению с которым взнос «за пошлины» был вдвое меньше. У доводчиков же, наоборот, два эти компонента чаще всего были одинаковы по размерам (например, по гривне или по 3 алт. 2 ден., что в сумме своей также составляет гривну) – см. табл. 2.

О текущих сборах с приходов в Устюжской десятины после 1625 г. можно узнать из платежных отписей выборных поповских старост. Например, 22 января 1668 г. по указу ростовского митрополита Ионы поповский староста сольвычегодской Борисоглебской церкви Д.Дорофеев взял в архиерейскую казну по доходной книге с Богоявленской церкви Лальского погоста «за все пошлины оброком гривну, белозерщины 10 алт., казначейских 5 алт., в подъем гривна, протори 18 алт. 2 ден., и всего 1 руб. 2 гривны»⁷⁹. Под «белозерщиной» в приведенном перечне следует понимать компенсацию за утрату Ростовской митрополией в 1658 г. «Белозерской десятины», 139 храмов которой были включены в состав Вологодской епархии⁸⁰. «Проторями» назывались взимания на организацию ямской гоньбы для поездок архиерея и лиц его администрации. Сборы на ямские архиерейские подводы в 1686 г. с Богородицкой церкви в дер.Бобровниково, согласно мирскому приговору 1683 г., «с трех лошадей по алтыну с лошади»⁸¹. В соседнем с ним Царевоконстантиновском приходе размер «проторей» – 34 алт. – существенно превосходил все остальные взимания, включая и церковную дань (см. табл. 5).

Сопоставимый материал о «беличьем» и «оброчном» обл